

Доктор Ллойд Карр, «Песнь песней», лекция 2

© 2024 Ллойд Карр и Тед Хильдебрандт

Это вторая лекция доктора Ллойда Карра о «Песне Песней». Доктор Карр. Мы только что говорили о песне в естественной интерпретации, Песне Соломона, как не аллегории, не типологии, не драме, а просто как поэзии, любовной поэзии.

И сейчас я хочу уделить некоторое время рассмотрению этих двух элементов. Во-первых, что значит сказать, что это поэзия, а затем конкретно, что мы подразумеваем под любовной поэзией и как эта конкретная книга связана с древней ближневосточной любовной поэзией, примеры которой у нас есть. Мы поговорим об этом в течение следующих нескольких минут.

Во-первых, песня – это поэзия. Стихотворение – это произведение. Само греческое слово означает нечто построенное или собранное.

Меня всегда смеются люди, которые приходят на чтение стихов и говорят: «Ну, я просто записал это на обратной стороне конверта по дороге сегодня вечером». Моя немедленная реакция: это не поэзия. Поэзия требует некоторой работы, некоторого формирования, некоторого структурирования, определенного выбора слов, идиом и форматов.

Теперь, когда мы говорим о поэзии в древнем мире, у нас есть из чего выбирать. Есть, конечно, греческие поэты, есть латинские поэты, а в наши дни — современные поэты, классики и все остальные. И когда мы думаем о поэзии на английском языке, мы склонны мыслить либо с точки зрения свободного стиха, как большая часть современной поэзии, либо с точки зрения более формализованных структур, где у нас есть ритм и рифма, определенные последовательности строк и тому подобное. вещи.

Но когда мы говорим о библейской поэзии и древней ближневосточной поэзии в целом, у нас немного другая точка зрения. Ключевая идея или ключевой метод древней поэзии – это не обязательно рифма или ритм. Немного этого есть, но не много.

Скорее, отличительной чертой библейской поэзии в частности и древней ближневосточной поэзии в целом является то, что называется параллелизмом. Это означает, что утверждение повторяется или добавляется определенным образом, что дает повторение. Мы могли бы назвать это мысленной рифмой, а не словесной рифмой.

Книга Псалмов полна подобных вещей. Есть несколько разных категорий, отметим две или три. Один из них — это стандартный нормальный параллелизм, когда вторая строка повторяет идею или мысль первой строки.

Второй подход заключается в том, что вторая линия переворачивает идею первой линии — противоположного параллелизма. Или может возникнуть ситуация, когда вторая строка добавляется к первой строке, а затем третья строка добавляется ко второй строке. Итак, это своего рода пошаговое движение, линия за линией.

Или у вас есть конкретный отрывок, о котором мы поговорим подробнее позже, поэтическая форма, параллелизм, который называется хиастическим или крестообразным, где у вас есть утверждение, второй комментарий по этому поводу, а затем в следующей строке сначала фиксируется второй комментарий, а затем комментируется первая часть первой строки во второй половине второй строки. Итак, первая половина первой строки и вторая половина второй строки идут вместе, и наоборот, первая половина второй строки и последняя половина первой строки идут вместе. Это крестообразный.

Теперь мы вернемся к этому. Это важный момент, потому что он многое говорит о том, как мы понимаем Песнь Песней. Но это способы выражения этих мыслительных рифм.

Несколько примеров из Песни Песней. Глава 2, восьмой стих. Голос моего возлюбленного: вот, он скачет по горам, перепрыгивает через холмы.

Прыгаем по горам, прыгаем по холмам. Не две отдельные идеи, а два способа сказать одно и то же. И это параллелизм в полном и нормальном смысле этого слова.

Другой пример. Глава 2, стих 6. Это параллелизм, но он немного другой. В этом случае вторая строка добавляется к первой строке.

Эта бедная барышня безумно влюблена в парня. О, если бы его левая рука была под моей головой, а правая рука обнимала меня. Она не хочет, чтобы обе руки были под ее головой.

Она хочет один на спине и один под головой. Итак, в этом стихе есть дополнение к этой идее. И мы найдем много, много примеров этого в этой книге и в других ваших исследованиях Псалмов, многих Пророков и других вещей.

Стандарт еврейской поэзии — параллелизм. Добавление или высказывание одного и того же двумя или тремя разными способами. В частности, «Песнь

Песней» относится к категории того, что мы бы определили как любовную поэзию.

В этом нет ничего необычного. У каждого народа есть своя любовная поэзия, начиная с древней Месопотамии, которую мы рассмотрим через минуту-две, или вплоть до той, которую кто-то только пять минут назад закончил для своей новой девушки. Люблю поэзию.

Многое из этого. Разница в том, что что-то из этого хорошо, а что-то нет. Я люблю тебя, я люблю тебя, да, да, да.

Это говорит об одном, но как я люблю тебя? Позвольте мне посчитать пути — это гораздо лучшее выражение любовной поэзии. Итак, с чем мы здесь имеем дело? Что ж, у нас есть много примеров любовной поэзии из древнего мира. Несколько коллекций, Месопотамия, Египет и еще несколько мелочей из разных мест.

И в них есть определенные элементы. Давайте сначала посмотрим на некоторые из месопотамских любовных стихов. Теперь кое-что по этому поводу, и я собираюсь прочитать некоторые из них, а не просто попытаться процитировать их для вас.

Конечно, как я уже сказал, это распространено во многих языках. В этих любовных стихах очень много параллелей, много различий, сходств и различий. Давайте сначала рассмотрим их, а затем вернемся, посмотрим на некоторые общие элементы, а затем посмотрим на некоторые различия.

Вавилонская любовная поэзия и месопотамская поэзия делятся на две группы. Есть одна ранняя группа, которая, возможно, восходит к третьему тысячелетию до нашей эры, а затем еще одна, которая выходит из первого тысячелетия, примерно в то же время, может быть, немного позже, чем Песнь Песней из этих Вавилонии и Месопотамии. Сейчас в месопотамской и вавилонской поэзии существуют сборники отдельных произведений.

Когда мы несколько минут назад говорили о драме, я упомянул, что существует ряд сценических указаний или указаний читателям относительно того, где это должно быть сделано и как это должно быть цитировано. И любовная поэзия древней Месопотамии содержит в себе эти элементы. Но в этой древней вавилонской и месопотамской любовной поэзии важно то, что она связана с поклонением.

Это ритуал плодородия, поклонение плодородию. Смотрим ли мы на ханаанский материал из Угарита или где-то еще, смотрим ли мы на вавилонский материал, мы смотрим на более ранний шумерский материал, ключевой темой

во всем этом являются отношения между богом и богиней. и плодородие, которое приходит на землю, когда исполняются супружеские отношения между богом и богиней. Это общая тема для всех древних ближневосточных религий плодородия, а также, за исключением Израиля, для всего древнего мира.

Это означает, что реконструкция священного брака между богом и богиней проводится ежегодно между иногда царем Нузи и верховной жрицей, которая является воплощением Инанны, богини. Таким образом, король и богиня заключают брачный союз, сексуальный союз, как часть регулярного ритуального поклонения в обществе. То же самое происходит и в более позднем материале.

В первом из них есть Нузи и Инанна, в ханаанском культе есть Баал и Анат, и подобные вещи происходят постоянно. И любовная поэзия связана с этими конкретными отношениями. Позволь мне привести пример.

В вавилонском материале главный бог — Мардук, а его богиня — Иштар, а еще у него есть подруга на стороне, ее зовут Зарпанитум, и здесь происходят отношения, которые достаточно явно прописаны. Теперь позвольте мне процитировать здесь. Это из отношений царя Думузи и богини Инанны.

Она готовится приветствовать его в храме, дворце, в священной опочивальне, и, как говорит поэт, она берет ягодичные камни и кладет их себе на ягодицы. Инанна берет надгробия и кладет их себе на голову. Она берет камни лазурита и кладет их на затылок.

Она берет золотые ленты и вплетает их себе в волосы, на голову. Она выбирает узкие золотые серьги и надевает их на уши. Она собирает сладкий мед и накладывает его на свои чресла.

Она берет яркий алебастр и прикладывает его к своему анусу. Она собирает черную иву и прикладывает ее к своей вульве. Она выбирает богато украшенные сандалии и надевает их на ноги.

И в пупе неба, в доме Энлиля, в храме, встретил ее Думузи. Это любовное стихотворение того периода, оно очень откровенное и явно связано с культом плодородия. В следующем эпизоде, Мардук, это вавилонский рассказ, Мардук разговаривает с Иштар, его арпанизм, это его супруга, царица, своего рода подруга Иштар здесь.

Итак, Арпанизм спит в своей келье, в своей комнате. Но ты моя невысокая серебристая девочка. Похоже, блондинкам в древнем Вавилоне тоже было веселее.

Ты мать, Иштар Вавилонская, прекрасная, царица вавилонян. Ты мать, пальма Сердолика, красавица. И так, здесь есть описания, есть любовные стихи, возникающие из подобных вещей.

Сейчас в Египте у нас происходит нечто подобное. Есть один сборник под названием «Песни сада», он довольно короткий, и это один маленький пример. Гранат говорит, будто ее зубы — мои семена, а ее грудь — мои плоды.

Вот стихотворение, стихотворение говорящего гранатового дерева, отождествляющего себя с девушкой в стихотворении. Очень распространенные идеи, как из Египта, так и из Месопотамии. Позвольте мне привести вам еще пару примеров египетской литературы и то, как некоторые из них связаны с Песней Песней.

Во-первых, в первой главе, в 10-м стихе песни, мы получаем это, ну, на самом деле, начиная с 9-го стиха. Я сравниваю тебя, любовь моя, с кобылой из колесниц фараона. Щеки твои прекрасны в украшениях, шея твоя украшена нитками драгоценностей. Мы изготовим вам украшения из золота с серебром.

Это своего рода интересный маленький отрывок. Одно из египетских стихотворений из так называемого цикла стихотворений Честера Битти, в этом сборнике оно под номером 39. Женщина разговаривает со своим возлюбленным.

Пожалуйста, приезжайте скорее к возлюбленной, как королевский конь, лучший из тысяч из всех стад, лучший из конюшен. Он отделен от других в своей ленте, и его хозяин знает свои ворота. Как только он услышит щелчок кнута, он уже не будет сдерживаться.

На территории нет капитана, который мог бы опередить ее, но возлюбленная прекрасно знает, что он не сможет уйти от нее далеко. Ты как кобыла среди колесниц фараона, высшая сексуальная привлекательность. Кобылы никогда не тянули колесницы, их тянули жеребцы.

Одним из способов, которые враг научился делать, чтобы сорвать атаку колесниц, было выпустить течную кобылу среди жеребцов. Это вызвало всевозможные проблемы. Ну, девушка из Песней Соломона знала это.

Другой пример — вторая глава, двенадцатый стих. Цветы появляются на земле, пришло время пения, и голос горлицы слышен в нашей земле. Зима прошла, и дождь закончился и прекратился.

Смоковница выпускает свои смоквы, виноградные лозы цветут и благоухают. Встань, любовь моя, прекрасная моя, прочь, о мой голубок, прочь. Одно из

египетских любовных стихотворений, оно есть в том раннем сборнике, о котором я упоминал, прочитал только часть.

Раздается голос горлицы. Голос горлицы слышен в нашей стране. Голос горлицы раздается, говорит: день наступает, куда ты идешь? Отстань, птичка, ты меня так ругаешь.

Я нашел своего возлюбленного на его кровати, и мое сердце было переполнено. Мы сказали, что я никогда не буду далеко от тебя, пока моя рука в твоей руке, и я буду гулять с тобой в каждом любимом месте. Он ставит меня первой из девушек, не разбивает мне сердце.

Но вот это любовная поэзия, а здесь эта идея, этот комментарий к песне горлицы. Еще один пример из шестой главы. Начиная с восьмого стиха, мы уже читали часть этого.

Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц, девиц без числа. Голубка моя, совершенная моя, единственная, любимица матери, безупречная для той, которая ее родила. Опять же в египетской любовной поэзии.

Мой голубь, мой идеальный, единственный. Одна, дамская любовь без дубликата, более совершенная, чем мир. Она подобна восходящей звезде в начале благоприятного года.

Она, чье совершенство сияет, чье тело блестящее, великолепные глаза, когда она смотрит, сладкие губы, когда она разговаривает. Она не говорит ни слова слишком много. Высокая шея, блестящие соски, настоящая ляпис-лязурь, волосы, руки тоньше золота, пальцы, как раскрывающиеся цветы лотоса.

Ее ягодицы опускаются, когда ее талия напряжена. Ее ноги раскрывают ее совершенство. Ее шаги умоляющи, когда она идет по земле.

Она берет мое сердце в свои объятия. Она вскружит голову каждому мужчине. Все очарованы ее видом.

Каждый, кто ее обнимает, радуется, ибо она стала самой удачливой из любовниц. Когда она появляется, любой может увидеть, что нет такой, как эта». Это песня об одной из богинь, но идея в ней есть. Это песня о любви.

У нас есть примеры этого из Вавилона, Месопотамии, Египта, Ханаана и повсюду. Это распространенная тема в любовной поэзии. Каковы элементы любовной поэзии? Содержит ли это Песнь Песней Соломона? Да, на самом деле есть.

Одна из очень интересных вещей, и это касается всех имеющих у нас примеров. Песни — это речи мужчины и женщины. Самое интересное в этом то, что в каждом примере, который мы имеем до сих пор, женщина произносит в два раза больше строк, чем мужчина.

Вавилон, Египет, Месопотамия, Ханаан, Песнь Песней. Картина последовательная. Женщине в два раза больше строк, чем мужчине.

Это больше, чем просто случайность. Вы можете получить это один или два раза, но когда это встречается во всей литературе, это выглядит как образец, и песня соответствует этому шаблону. Еще пара вещей.

Некоторые общие элементы. Очень распространено то, что мы называем утверждениями «Я-Ты». Если они говорят о любовнике кому-то другому, они скажут он или она, или мой любимый, или мой любовник в третьем лице.

Но когда они разговаривают друг с другом, это всегда отношения Я-Ты. В английском это не так уж много значит для нас, потому что у нас нет формы единственного числа для второго лица. Это я, ты, он.

Мы вы Они. Но если вы, например, говорите по-немецки, или по-французски, или по-латыни, или по многим другим языкам, то во втором лице единственного числа есть отдельная форма. Например, по-французски это «je» для меня, «tu» для тебя.

Но если в группе ты, то это ты, а не ты. Вы используете эту форму единственного числа tu только в семье или в очень близких отношениях, никогда с начальством или никогда с незнакомцем. И в иврите, и в переводах, в песнях, и в египетских материалах, и в месопотамской литературе оно всегда присутствует в этой единственной форме.

You, tu, если бы это было по-французски, это выражение личных интимных отношений, форма Я-Ты. Это характерно для всей литературы. Второй элемент, который часто встречается в литературе, — это идея радости и волнения, которые влюбленные либо ожидают, либо разделяют.

Опять же, это проходит через всю литературу. Поставь меня как печать на сердце твоём, как печать на руках твоих. Любовь сильна, как смерть.

Волнение от этих отношений. О, если бы ты был мне как брат, кормивший грудью матери моей. Если бы я встретил тебя снаружи, я бы тебя поцеловал.

Никто не будет презирать меня. Это стремление к близости, радости и волнению. И параллельно с этим существует проблема каких-то препятствий или чего-то, что мешает.

Любовь никогда не бывает гладкой. В данном случае в «Песни Песней» у этой молодой женщины есть братья. Глава 1. Мои братья рассердились на меня.

Они поставили меня хранителем виноградника, но своего виноградника я не сохранил. Мы не хотим, чтобы у нашей младшей сестры были проблемы с тобой. Глава 8, стих 8. У нас есть младшая сестра.

Она еще не выросла. Что мы с ней сделаем, когда о ней заговорят? Если она стена, мы построим ее серебряные зубцы. Если она дверь, мы обложим ее кедровыми досками.

Что угодно, чтобы удержать ее подальше от этого парня, который приближается. Иногда дело в погоде. В Египте есть очень интересное маленькое стихотворение.

Он описывает, мужчина описывает свое намерение пойти навстречу женщине. Она находится на другом берегу реки Нил. Он собирается переплыть Нил, чтобы добраться до нее.

Крокодилы будут для меня мышами, потому что я хочу быть с тобой. Эта идея тоже есть. Вы знаете старую историю о молодом человеке, который позвонил своей девушке и сказал ей, как сильно он ее любит.

Он готов пройти через ад и паводок, чтобы быть с ней. Потом он сказал: если сегодня вечером пойдет дождь, я не приду. Ну, вы не найдете этого в этих вещах.

Есть радость и волнение, предвкушение союза и времени, проведенного вместе, но на пути всегда есть возражения и препятствия. Но в любовной поэзии они отложены, и завершение достигается где-то по ходу дела. Эта радость и волнение являются частью этого.

Еще один общий элемент любовной поэзии — это то, что мы могли бы назвать физическими описаниями. Этого нет в Песне Песней, а еще в первой книге Библии, книге Бытия, глава 2, когда Адам создан и Бог не может найти подходящего для него партнера, он усыпляет его. и берет ребро от Адама, стих 21. И стих 22, из ребра, которое он взял, создал женщину и привел ее к мужчине.

А затем стих 23, мне кажется интересным, что первые записанные слова человеческого рода в Писании, теперь Адам назвал животных, мы не знаем, как он их назвал, потому что у нас нет этих слов, но первые записанные слова слова этого человека находятся здесь, в стихе 23. И это любовное стихотворение. Наконец-то это кость от моих костей, плоть от моей плоти.

Ее назовут женщиной, потому что она была взята из мужчины. Видите ли, еще в Эдемском саду Бог знал, что любовь является важной частью отношений. И когда Адам проснулся, вышел из этой вызванной Богом анестезии и увидел это великолепное существо, стоящее рядом с ним, ух ты, наконец, кость от моей кости, плоть от моей плоти.

Это хорошее начало, не очень подробное, но хорошее начало. А когда мы переходим к «Песни Песней» и другой литературе, мы получаем очень точные описания физической красоты персонажей. Например, в четвертой главе «Песни»: «Смотри, ты прекрасна, любовь моя, смотри, ты прекрасна».

Твои глаза - голуби за твоей вуалью. Волосы твои подобны стаду коз, сбегаящим по склонам Галаада. Эти длинные черноволосые козы спускаются вниз, и кажется, что ее волосы развеваются при движении.

Следующее изображение немного странное, но прислушайтесь к нему на минутку. Зубы твои подобны стаду остриженных овец, вышедших после стирки. Все они рожают близнецов, и ни одна из них не скорбит.

Небольшая проблема с переводом, мы вернемся к этому чуть позже, но это опять же описание девушки. В стихе 5: две груди твои подобны двум оленятам, близнецам серна, пасущимся среди лилий. 7 куплет, ты вся прекрасна, любовь моя, в тебе нет изъяна.

Пойди со мной из Ливана, невеста моя, пойди со мной. Стих 10: как сладка любовь твоя, сестра моя, невеста моя, насколько любовь твоя лучше вина и благоухание масел твоих всяких пряностей. Твои губы источают нектар, моя невеста, мед и молоко под твоим языком.

Аромат твоей одежды подобен аромату Ливана. Достаточно точные описания. Глава 5, я уже говорил ранее, что в этих стихах девушка говорит в два раза больше, чем мужчина, и вот пример этого.

Стих 10 главы 5, Возлюбленный мой весь сияющий и румяный, среди десяти тысяч выделяющийся. Голова его — чистейшее золото, локоны волнистые, черные, как ворон. Глаза Его, как голуби у источников вод, омытые молоком, стройно посаженные.

Щеки Его подобны грядкам ароматных трав, источающих благоухание. Губы Его — лилии, источающие жидкое миро. Его руки — округлые золотые, украшенные драгоценностями.

Его тело, как работа из слоновой кости, инкрустировано сапфирами. Ноги Его — алебастровые колонны на золотых основаниях. Вид Его подобен Ливану, отборному, как кедры.

Его речь очень сладка, он вообще желанен. Это мой возлюбленный, это мой друг, о дочери Иерусалима. Она там довольно откровенна.

У нас есть еще один пример, глава 7, и это описание молодой леди. Как изящны ноги твои в сандалиях, царица девица! Твои округлые бедра подобны драгоценностям, дело рук мастера.

Ваш пупок — это круглая чаша, в которой всегда есть смешанное вино. Твой живот — куча пшеницы, окруженная лилиями. Две груди твои подобны двум оленям, близнецам газели.

Твоя шея похожа на башню из слоновой кости. Глаза твои, как пруды в Хешбоне, у ворот Бейт- Рабима . Нос твой подобен Ливанской башне, возвышающейся над Дамаском.

Голова твоя венчает тебя, как карамель, и струящиеся локоны твои, как пурпур. Король находится в плену в локонах. Как ты прекрасна и приятна, о любимая, восхитительная девица.

Очень, очень откровенно. Именно такие описания, физические описания, мы имеем в историях здесь, в любовной поэзии в «Песне Соломона» и других местах. Еще одним элементом здесь является описание физической близости между мужчиной и женщиной.

Иногда это очень конкретно обозначается как спальня. Стих 2 главы 8. Если бы я встретил тебя на улице, я бы поцеловал тебя, и никто не презирал бы меня. Я бы повел тебя и привел в дом моей матери, в комнату зачавшей меня, в опочивальню.

Я бы напоил тебя пряным вином и гранатовым соком. Затем она продолжает описывать эти отношения. Стих 11 главы 6. Я спустился в ореховый сад, чтобы посмотреть на цветы долины, посмотреть, распустились ли виноградные лозы, цветут ли гранаты.

Прежде чем я успел осознать это, мое воображение привело меня в колесницу рядом с моим принцем, садом. В египетской любовной поэзии есть ряд

упоминаний об укромных местах вдоль реки, где влюбленные могут спрятаться и не быть найденными. Это, опять же, общая тема, получаем ли мы ее из Месопотамии, из Египта или из песни.

Еще одна серия идей, общих для литературы, — это акцент на том, чтобы смотреть на возлюбленного, видеть человека, описывать его и слышать голос. В египетских поэмах есть место, где женщина слышит голос своего возлюбленного за болотом, когда он приближается к ней. У нас здесь есть такая штука.

Я услышал любимого в горах. Таких вещей несколько. Происходит много физического контакта, поцелуев, прикосновений, ласк.

Комментарий там: его левая рука под моей головой, его правая рука обнимает меня, это больше, чем просто обнять меня. Это настоящие интимные физические ласки друг друга как часть описания. Это довольно явно и совершенно очевидно.

В конечном итоге сексуальный союз между влюбленными прописан очень и очень четко. В песне мы вернемся к этому через несколько минут, когда будем говорить о структуре книги, в стихах с 16 главы 4 по главу 5, стих 1: «Пробудись, северный ветер, и приди, о южный ветер». , дуй на мой сад. Пусть его аромат разнесется за границу.

Пусть мой возлюбленный придет в свой сад и съест его лучшие плоды. Я прихожу в свой сад, моя сестра, моя невеста. Я собираю свою мирру с моими благовониями.

Я ем свои соты с медом. Я пью вино с молоком. Ешьте, друзья, и пейте.

Пейте как следует, о возлюбленные, в ваших занятиях любовью есть идея. Последнюю фразу можно было бы перевести как обращение к ним, о влюбленные, или как упиваясь занятиями любовью. Текст может идти в любую сторону.

Итак, это завершение отношений. И мы находим это не только здесь, в месопотамской поэзии, мы находим это выраженным совершенно ясно, а также в ряде египетских поэм. Это говорит женщина: Возьми мою грудь, для тебя ее дар переполняется.

Действительно, лучше один день в твоих объятиях, чем сто тысяч где-либо еще на земле. И такие идеи есть. Это милое маленькое стихотворение не имеет к этому прямого отношения, но в нем есть кое-какая идея.

Это говорит мужчина, я лягу внутрь и буду вести себя так, как будто я больной. В гости придут мои соседи, а с ними и моя девочка. Она выставит врачей, она знает, как вылечить мою боль.

Подобные идеи проходят через любовную поэзию, «Песнь Песней» и другие. Теперь третья, или сколько нас сейчас, около шести или семи, я думаю, что бы это ни было, еще одна общая тема, которая проходит через любовную поэзию. Месопотамский, ханаанский, египетский, вавилонский, библейский.

И это использование семейных терминов для описания отношений. Приди ко мне, моя сестра, моя невеста. Сестра, она не его сестра, она его девушка, его невеста, в данном случае его будущая жена.

Есть упоминания о моем брате. Вы найдете это в египетской поэзии, вы найдете это и в других местах. Позвольте мне получить один здесь для нас.

Номер 12. Мне нужно расстаться с братом, и пока я жажду твоей любви, мое сердце замирает внутри меня. Мой брат, мой любимый человек, мое сердце гонится за твоей любовью.

Я решил, и брат пришел ко мне. Ты единственная моя забота, брат мой. Мое сердце хорошо помнит твою любовь.

Половина моего виска была зачесана. Я спешил к тебе и забыл причесаться. И у нас есть такие вещи взад и вперед.

Брат, любовник. Сестра, невеста. Еще одна часто встречающаяся тема, которая в некоторой степени подтверждает идею о том, что эта песня о царе Соломоне, потому что в ней есть упоминания о царе и царице.

Царь Соломон с короной, которой увенчала его мать. Тот, кто одет как королева, приедет в день свадьбы. Здесь есть ссылки.

Стих 12 главы 6. Прежде чем я осознал свою фантазию, посадили меня в колесницу рядом с моим князем. Теперь это снова общие термины в литературе и как в любовной поэзии древнего мира, так и на библейском материале. Это упоминание в главе 6 Песни Песней Соломона, стих 12.

Несколько ссылок, которые очень близки к этому. Когда я направился к внешней двери, брат пришел ко мне. Я смотрел на дорогу, прислушиваясь к уху, чтобы устроить засаду на Мехи .

Мехи вызывает споры о том, был ли он настоящим принцем или просто вымышленным принцем, вдохновившим эти песни. Это может быть псевдоним,

чтобы скрыть личность того, кем бы он ни был. Но она собирается устроить ему засаду.

Единственная моя забота: я положил на него любовь брата моего. Мое сердце не будет молчать. Я отправил гонца, и он собирается привести меня к нему.

есть еще одно упоминание о принце Мехи . Это номер 33. Мехи в данном случае отрицательный персонаж.

Мое сердце предлагало увидеть ее красоту, пока я сидел в ее доме. Я нашел Мехи в его колеснице на дороге со своей здоровенной бандой. Я не знаю, как вывести себя из его присутствия.

Пройду ли я мимо него пешком? Река — это дорога, потому что мне некуда подступиться. Как ты глуп, сердце мое. Зачем вам прогуливаться мимо Мехи ? Если я пройду рядом с ним, мне придется рассказать ему о своих проблемах.

Видишь, я твой, скажу я ему. И он выкрикнет мое имя. Но он проведет меня в гарем вместе с первым мужчиной из своего отряда.

Он не очень последователен. Она любит его, но ничего с ним не может добиться. Такие проблемы.

Итак, идея о принце, или царе, или принцессе, или царице заставила некоторых людей подумать, что да, это действительно была принцесса, царица и царь Соломон. Но данные литературы свидетельствуют о том, что сестра, брат, принц, принцесса, королева и король — это всего лишь стандартные формы, используемые в литературе. Женщина в египетской поэзии хочет, чтобы с ней обращались как с сестрой, как здесь, в Песне Песней.

Если бы ты был моим братом, я бы мог поцеловать тебя прямо на улице, и никто бы не удивился. Ты нет, поэтому я не могу, но, черт возьми, мне бы хотелось. У нас это происходит снова и снова.

Брат сестра. Король и королева, одно и то же. Общий мотив, общие идеи.

Все эти элементы присутствуют в литературе, но есть некоторые очень интересные различия в «Песне Песней» и остальной части древней ближневосточной любовной поэзии. Недавно я сказал, что месопотамская, ханаанская, египетская и вавилонская любовная поэзия связана с культами. Это связано с религией и поклонением.

Это Богоцентричное или Богоцентричное. Ничего подобного в Песне Песней нет. Одна из причин, по которой я думаю, что это не может быть аллегорией,

говорящей о любви Бога к Израилю или любви Христа к Церкви, заключается в том, что ни одна литература, никакой словарный запас, ни одно из слов Бога или культовых слов не встречаются в книге. песня.

Ни одно из обычных религиозных слов в остальной части Ветхого Завета здесь не встречается. Единственная возможность, и она находится на самой грани возможности, находится в главе 8, стих 6. Текст гласит: «...поставь меня, как печать, на сердце твое, как печать на руку твою, ибо любовь подобна сильная, как смерть, ревность жестока, как могила, вспышки ее — вспышки огня, самое сильное пламя». В некоторых версиях последняя часть этой строки переводится как пламя Яхве. Проблема в том, что имя Яхве не встречается в тексте.

Существует сокращение Ях, которое представляет собой первую половину имени Яхве, которое иногда используется как имя Бога в Ветхом Завете. Некоторые комментаторы предположили, что это вспышка огня от Бога. Но этот термин используется просто в превосходной степени.

Это могучее пламя или неистовое пламя, пламя, которое исходит от Бога, но Бог конкретно не идентифицируется в этом контексте. Это единственное упоминание в «Песни Песней Соломона» какого-либо одного из религиозных слов. В книге вы не найдете ни одного из них.

Это стало для меня настоящим шоком, когда я работал над комментарием к этой книге, просматривая еврейский лексикон и определяя все слова и их ссылки в Песне Песней. Прочитав примерно половину списка, я понял: не пропустил ли я что-то? Ни одно из этих религиозных слов не появилось, поэтому я вернулся и еще раз проверил, и действительно, там не было ни одного. Это, если можно так выразиться, чтобы не показаться нерелигиозным, это чисто светская книга.

Действия Бога в культовом смысле просто не проявляются. Их просто нет. В этом одно из очень четких отличий этой книги от остальной части древней ближневосточной любовной поэзии.

Есть еще один элемент, который мне кажется интересным. Большая часть другой литературы связана с охотой на диких животных с целью поймать или убить их. Например, в египетской любовной поэзии быстро приближайтесь к возлюбленной, как газель, бегущая по пустыне.

Ноги ранены. Его конечности истощены. Страх проникает в его тело.

Охотники гонятся за ним. С ними собаки. Они не видят из-за пыли.

Место своего упокоения оно видит как мираж. В качестве дороги он использует канал. Прежде чем вы поцелуете свою руку четыре раза, вы доберетесь до ее убежища, преследуя возлюбленную.

Это золотая богиня оставила ее для тебя, друг. Это лишь один из многих подобных охотничьих мотивов. В древнем Израиле охота не была частью культуры.

В библейском материале мы не находим упоминаний о нем. Есть и другие люди, которые охотятся, но это никогда не считалось одним из великих дел короля или сильных мира сего. В Израиле было слишком много уважения к жизни.

Если лев преследовал вашу овцу, вы убили льва. Если за ними пришёл медведь или волки, вы их убили. Но вы охотились не ради спорта.

Жизнь была слишком ценна, даже жизнь животных. Таким образом, мы не находим мотива охоты в «Песне Песней», как в других поэзиях о природе. Третий элемент, который здесь отличается, заключается в том, что в литературе других частей древнего Ближнего Востока наблюдается путаница между Богом и природой.

Весь ритуал плодородия основан на этой ситуации. Природа не будет производить. Животные не производят потомство.

Урожай не вырастет, если мы, как Бог и богиня, жрица и царь, или жрец и жрица, или кто-то еще, если у нас не будет этого физического сексуального союза, на земле не будет плодородия, потому что боги и земля, творение, это одно и то же. В библейском материале существует огромная пропасть между Богом и творением. Природа – творение Бога.

Это не Бог. И в Песне Песней это различие четко обозначено. Природа хороша.

Природа есть. Природа важна. Природа – это то, что мы есть.

Но мы не Бог. И это явно библейский вариант, хотя его путают в другой литературе. Очередная серия ссылок, это вроде мелочь, но представляет интерес.

В библейском материале есть множество упоминаний о винограднике, вине, питье, волнении и радости, которые приходят с этим праздником. В небиблейской литературе имеется ряд упоминаний о вине, но также имеется большое количество упоминаний о пивоварении. Я не уверен, но мне не

удалось найти никаких упоминаний в библейских или внебиблейских материалах о пивоварении в древнем Израиле.

Я предполагаю, что зерно было слишком ценным, чтобы тратить его на пиво. Его нужно было использовать в пищу. Много винограда, чтобы можно было делать вино.

И мы находим это упоминание здесь, но не находим в библейском материале упоминаний о пивоварении. Опять же, очень интересное различие. И, наконец, что касается этих различий, одна из вещей, которая мне очень, очень ясно приходит в голову, - это в библейском повествовании, Песне Соломона, есть чувство обязательства.

Есть единство этого мужчины и этой женщины. От неверности здесь нет и следа. Нет никаких следов того, что что-то разваливается или ухудшаются отношения.

О, в этой истории есть взлеты и падения. Мы вернемся к этому в следующий раз, когда приедем сюда. Но в песне нет смысла говорить о том, что эти отношения вот-вот развалятся.

Вы найдете это в литературе других частей древнего Ближнего Востока. В небиблейской литературе присутствует чувство верности, но оно не совсем прочное. Если придет кто-то еще, что ж, может, поменяемся.

Здесь мы этого не находим. Еще одна вещь, которой не хватает в этой любовной поэзии, и особенно в библейском материале, — это то, что здесь нет ничего, что говорило бы о семье и воспитании детей. Сексуальный контакт, конечно, есть, но он не перерос в семейные отношения.

Здесь нет ничего, что наводило бы на мысль стареть вместе или просто стареть с памятью о потерянном супруге. Это связанное произведение, которое фокусируется на единстве в этих отношениях. Другие вещи мы находим в другой литературе.

Мы не находим этого здесь, в Песне Соломона. И последнее в этом разделе. Кое-что о лексике библейской песни.

И здесь мне снова придется обратиться к некоторым подробным примечаниям, потому что это становится немного сложнее. «Песнь Песней» — относительно короткая книга. Мы вернемся к некоторым последствиям этого позже.

Включая заголовок, стих 1, «Песнь Песней», принадлежащий Соломону, в песне всего 117 стихов. Итак, у нас есть 116 плюс титул. Заголовок, как я уже говорил ранее, отведен в сторону.

В этой книге 117 стихов и 470 разных слов, разных еврейских слов. Они, конечно, бывают разных форм, но корней их 470. Теперь у нас сразу возникает проблема, потому что из этих 470, 10%, 47 из них встречаются в литературе только один раз.

Больше нигде в древней литературе, в еврейской литературе, эти слова не встречаются. 47 из них. Это 10% словарного запаса.

Мы понятия не имеем, что это значит. Мы можем предполагать, но не можем быть уверены. Есть еще 51 слово, которое встречается менее пяти раз.

И многие из них встречаются четыре или пять раз, но в идентичных контекстах. Итак, у нас нет возможности проверить, что они имеют в виду, потому что с таким же успехом мы могли бы просто произнести это один раз или пять раз, говоря одно и то же. Мы просто не знаем.

Есть еще 45, которые встречаются от шести до десяти раз во всей литературе, не только в песне, но и во всей литературе. И есть еще 27, которые встречаются во всем Ветхом Завете менее 20 раз. Я не очень силен в арифметике, но думаю, что здесь около 200 слов, которые встречаются менее 20 раз во всем Ветхом Завете.

И более 100 из них происходят менее пяти раз. Это ставит нас перед небольшой проблемой. Поскольку эти слова не очень распространены, мы не всегда можем быть уверены в их значении.

Так вот, это усугубляется в Песне Соломона. Я сказал, что у нас 117 стихов, включая заглавную строку. Из этих 117 99 имеют одно или несколько таких необычных слов.

Итак, только в 18 куплетах песни есть общие слова. Это создает нам некоторую проблему интерпретации. В 50 стихах есть слова, которые не используются за пределами Песни Песней.

Еще в 12 есть слова, которые используются менее трех раз. И все это сводится к тому, что здесь много стихов, в которых мы не можем точно знать, что именно они означают. Мы понимаем смысл.

Мы получаем широкое понимание. Но когда дело доходит до точных деталей текста, более чем в половине случаев, в 97% случаев, мы должны сказать: «Хм, это хорошее предположение, но я действительно не могу быть уверен». И это очень жестко по отношению к комментаторам.

Комментаторы не любят, когда их ловят, не имея возможности точно сказать вам, о чем они говорят. Но в песне это невозможно. Подойдите ближе и выскажите несколько идей, но это лучшее, что мы можем сделать.

Чуть позже мы рассмотрим несколько отрывков и рассмотрим некоторые из этих проблемных текстов, какие есть варианты и почему сделаны определенные предположения относительно того, что означает этот конкретный стих. Теперь словарный запас. Много необычных слов в песне.

Некоторые другие вещи. Песня «Песнь Песней», как и другая литература, наполнена общей лексикой любовной поэзии. Итак, что мы подразумеваем под этим? Ну, среди прочего, мы рассматриваем египетский, месопотамский, вавилонский, библейский материал.

Встречаются определенные общие группы слов. Например, имена домашних животных: лиса, газель, возлюбленная, сестра, невеста, король, королева. Это общие имена, и они проходят через них.

В песне они тоже есть. Но есть и другие специфические вещи, которые интересны в этой любовной поэтической литературе. Есть названия животных.

Газель, лиса, голубь, горлица. Такие вещи в литературе. В литературе Вавилона и Египта встречаются египетские и вавилонские животные.

В песне есть животные из Палестины. Они являются общими в том смысле, что представляют собой имена животных, но они зависят от конкретного места или региона. Такие вещи.

То же самое происходит и с растениями и цветами. В египетской и вавилонской литературе встречаются упоминания о трости папируса или цветке лотоса. В библейском материале встречаются упоминания о розе Сарона, библейском термине.

Опять же, вы получаете названия растений, но это местные названия. То же самое вы получите, собирая драгоценности, специи, деревья. Вы говорите о ливанских кедрах в библейском материале.

Вы не найдете этих фраз в небиблейской любовной поэзии. Итак, подобная лексика существует, но она не имеет универсального вкуса. Имеет местный колорит.

И, конечно же, это именно то, чего вы ожидаете. Поэты любви используют то, что есть под рукой. Итак, если вы находитесь в Египте, вы используете то, что есть в Египте.

Папирусные растения, крокодилы и болота. В Вавилоне вы говорите о реке и растениях там. В Израиле вы говорите о пустыне.

Вы говорите о горах. Вы говорите об источниках Эн-Геди. Местные вещи, которые определяют словарный запас стихов.

Еще одним элементом словарного запаса является большое число, и это, опять же, повсеместно, а не только в библейском материале, — это то, что мы называем двойным смыслом, словами, имеющими двойное значение. Моя сестра, моя невеста. Ну, может быть, она моя невеста.

Она, конечно, моя девушка. Она будет моей невестой, но есть такие отношения. Здесь есть ряд ссылок.

Парочку из них мы рассмотрели в седьмой главе, где описаны ее округлые бедра, словно драгоценности, работа руки мастера, пупок в виде округлой чаши. Что именно он там описывает? Что ж, мы рассмотрим это чуть позже, но это довольно явно и довольно конкретно. И смысл здесь не скрыт, а замаскирован.

И у нас здесь есть несколько таких дел. Есть упоминания о поднесении руки к отверстию в двери. Двойной смысл во всех этих словах.

Мы вернемся к ним, когда приступим к делу. И еще есть три слова на иврите, обозначающие слово «знать». И они встречаются здесь, и позвольте мне остановиться на них конкретно, поскольку они присутствуют как в песне, так и в некоторой другой литературе.

Есть слово знать, то есть иметь проницательность, понимать. И в песне девушка пытается заставить других людей понять, что она имеет в виду о своем возлюбленном, понять, что она имеет в виду. Именно в этом заключается идея некоторых из них.

Другой часто используемый термин — это термин «распознавать» или «смотреть». Довольно часто встречается в Ветхом Завете и встречается в песне. Посмотрите на моего любимого, обратите свой взор на него или на мою возлюбленную, на нее.

Это слово никогда не используется в отношении сексуальных отношений в Ветхом Завете. Третье слово — это слово йада, которое означает знание, полученное посредством чувств или опыта. Знать — значит испытать.

И это слово используется специально для сексуальных отношений. И в песне это используется дважды в этой книге. В 1-й главе, 7-м стихе скажи мне, кого любит душа Моя, где ты пасешь стадо твое, где ложишь его в полдень.

Зачем мне быть подобным тому, кто бродит рядом со стадами товарищей твоих? Дайте мне знать, скажите мне, где это должно произойти. Совершенно очевидно, что в этом слове двойной смысл. И, наконец, в этом разделе речь идет об использовании слова любовь в Ветхом Завете.

Вы, наверное, слышали, что у греков было три разных слова, а точнее четыре. Слово агапе, которое означает благочестивую любовь, ту возвышенную любовь, о которой мы говорим. Слово «филео» означает род братской любви, город братской любви, Филадельфию.

И слово «эрос», которое обычно имеет сексуальный подтекст. Эротика будет своего рода четвертым семестром. «Взгляд звезд» встречается в Септуагинте, но не встречается в Новом Завете.

Но эти слова имеют разные значения и разные коннотации с ними. К сожалению, в иврите есть только одно слово ахав. И он используется для всех трех из них.

Фактически, если вы посмотрите на греческий перевод Ветхого Завета, одно и то же еврейское слово переводится всеми четырьмя греческими словами. Итак, в иврите нет никакого различия между эротической любовью, братской любовью или сексуальной любовью с точки зрения словарного запаса. Конечно, существуют различия в реальном значении и их исполнении, но словарный запас имеется.

Итак, когда вы видите слово «любовь», встречающееся в Ветхом Завете, вам нужно остановиться и спросить себя, какой именно акцент пытается привлечь наше внимание автор? И снова это возвращается к проблеме словарного запаса. Все зависит от того, как вы интерпретируете, как вы понимаете контекст и словарный запас, который его окружает. Итак, проблема словарного запаса является очень важной для понимания учения Песни Песней.

Есть еще пара. Мы доберемся до них в следующем раунде. Это была вторая из четырех лекций доктора Ллойда Карра о «Песне Песней».